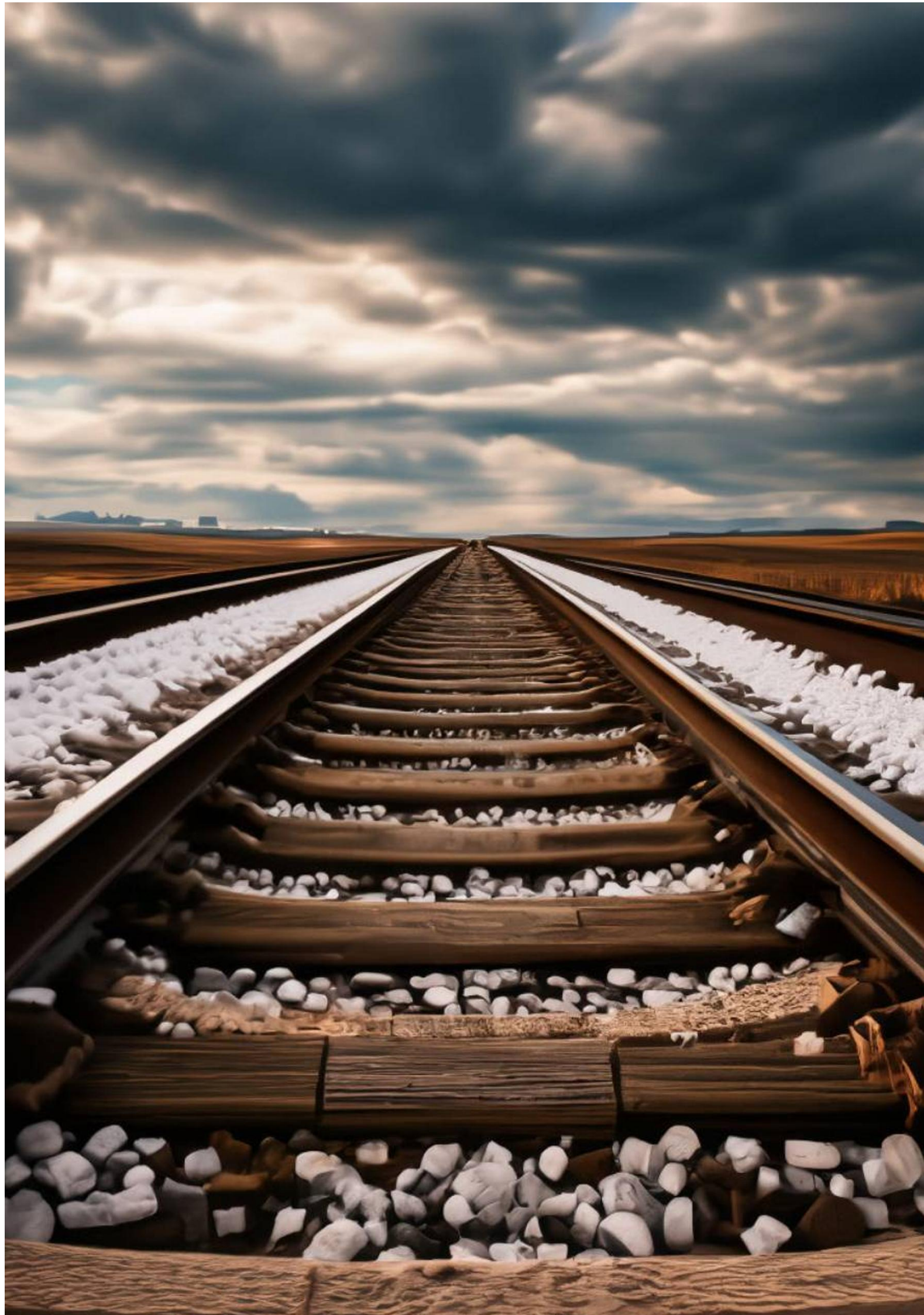

Леонид Харламов

Кризис среднего возраста

«Автор»

2026

Харламов Л.

Кризис среднего возраста / Л. Харламов — «Автор», 2026

Первое задание на первом рабочем месте, после окончания учебы для перспективного чиновника.

© Харламов Л., 2026

© Автор, 2026

Леонид Харламов

Кризис среднего возраста

Максимка.

Максимка появился на свет еще в прошлом тысячелетии, когда над страной еще крепко высился «нерушимый» союз, а у руля стояли ортодоксальные коммунисты, вскоре удивившие страну своими гонками на лафетах. Детство парня протекало в благословенной тишине от всякого, так нам привычного, маркетинга. Рекламы в те годы не существовало как явления. Исключением был разве что монументальный лозунг «Летайте самолетами «Аэрофлота!»», сиявший неонов на крыше центрального гастронома. Но для Максимкиной семьи этот призыв оставался пустой абстракцией. На самолетах они не летали — дорого, незачем и некуда. Главным семейным транспортом был скрипучий, пропахший медью и мокрыми пальто, рижский трамвай номер шесть. Этот тяжелый красно-желтый вагон исправно вез их мимо серых панелек, оглушительно дребезжа на стыках рельсов. Когда было свободное место и Максимка мог прижаться лбом к прохладному стеклу, этого скромного маршрута ему вполне хватало для счастья.

А потом по телевизору будничным голосом диктор объявил, что завтра в центральных регионах страны ожидается мокрый снег, цены за неделю выросли на семь процентов, и Советский Союз прекратил свое существование.

Наступили девяностые. Жизнь перевернулась мгновенно. Стало откровенно бедненько и временами по-настоящему беспросветно. Папа приносил зарплату какими-то подозрительными коробками с обувью вместо денег. А по вечерам со двора доносились глухие крики и треск разбитых стекол. Это спирт «Рояль» вошел в обиход в тандеме с новым видеожанром «боевик». Мир вокруг потерял былую предсказуемость, ошетинился рынками, ларьками и непонятными вывесками. Но удивительное дело: несмотря на дефицит, разруху и неблагоприятную криминальную обстановку, в воздухе появилось новое, незнакомое раньше чувство. С каждым днем вокруг как будто становилось чуточку светлее. В уличных киосках на витринах появились товары и бренды из другой вселенной: «Мальборо», «Турбо» и даже «Тампакс». На смену глухому советскому отстою пришел бурлящий, пугающий, но безумно азартный хаос.

Однажды в местной городской газете Максим прочитал сенсационную новость: на заводе начинают выпускать настоящую, лицензионную Кока-Колу. И не в безликих советских поллитровках с кривыми пивными пробками, а в тех самых, легендарных стеклянных бутылках с талией. В Максимке проснулся инстинкт охотника. Он оббегал весь город, стер в кровь ноги об асфальт, отстоял три дикие очереди в коммерческих ларьках, но заветный трофей добыл. Бутылка была совершенством. Последующий целый год превратился в ритуал: Максимка покупал дешевую колу в обычных пластиковых баклажках, аккуратно переливал ее в стеклянный оригинал и пил с гордо поднятой головой. Ему казалось, что он коснулся той самой красивой, глянцевой жизни из телевизора. Он был на вершине счастья.

Но годы шли, и розовые очки не просто треснули — они разлетелись вдребезги. Повзрослев, Максим осознал горькую правду: вся его юношеская страсть к заграничной шипучке была лишь результатом изощренного маркетингового хода. Великий обман цивилизации. Оказалось, что за красивой оберткой скрывалась банальная, перенасыщенная сахаром химическая вода. Оглядываясь назад, Максим с досадой думал, сколько денег было выброшено на ветер. Лучше бы он в юности налегал на обычный советский кефир. Там ведь три процента чистого белка! Молодые бицепсы за такую поддержку точно сказали бы ему спасибо, и сейчас бы от его «банок» рукава лопались, а не ткань на пузе. Эта кока-кольная травма молодости навсегда изменила Максима. Он превратился в прожженного циника и пугающе практичного человека.

Любой современный маркетинговый развод Максим снайперски просчитывал еще на стадии разглядывания этикетки. Громкие вывески «Скидка 80%!» вызывали у него лишь презрительную ухмылку. На этот копеечный лохотрон пускай ведутся недалекие, наивные граждане, верящие в щедрость капиталистов. Максим твердо знал главное правило выживания в бетонных джунглях: совершенно неважно, какой процент зачеркнут на ценнике. Значение имеет только конечная цена, которую ты отдаешь из своего кармана. И в этой игре цифр обвести Максима вокруг пальца было уже невозможно.

Но когда Максимке перевалило за полтинник, в его отлаженном, гиперпрактичном механизме жизни что-то со свистом заклинило. Страна идет под откос, а он чем лучше? Цинизм и сухой расчет дали трещину, и мужчина, к изумлению близких, откровенно ударился в чудачество. Будто решив отыгаться за все годы жесткого самоконтроля, он устроил в своей биографии крутой разворот. Для начала Максим сменил свой «Фольксваген» на ревущий и пахнущий бензином мотоцикл. Юношеское увлечение рисунками масляными красками на холстах тоже трансформировалось под стать новому образу: теперь холстом стала его собственная кожа, стремительно покрывавшаяся новыми дерзкими татуировками. Но самым главным и парадоксальным симптомом его бунта стало триумфальное возвращение Кока-Колы. Того самого бренда, который он публично презирал последние тридцать лет. Жизнь сделала виток и зашла на совершенно новую, безумную спираль. Максим снова стал практически неразлучен с напитком. С этой пол-литровкой в руке Максима теперь видели абсолютно везде. Он чинно сидел с ней в партере драматического театра под косыми взглядами интеллигентных старушек. Кола стояла перед ним на парте во время скучнейших курсов повышения квалификации. И даже на новогоднем утреннике родного внука в детском саду Максим гордо вышагивал в косухе, сжимая в руке заветный темный напиток.

Однако люди, как известно, не меняются. Суть человека остается прежней, какие бы татуировки он не бил и на какие бы байки не садился. Покупать в общепите индивидуальные мелкие бутылочки его внутренняя жаба по-прежнему категорически запрещала — это же чистый маркетинговый грабеж! Он брал в супермаркете огромную, максимально выгодную по цене двухлитровую бутылку и снова аккуратно разливал ее по бутылочкам. Права была старая реклама: «Holidays are coming» — праздник к нам приходит. Не сказали буржуи только главное, до этого Максимка уже сам дошел. В бутылочке на триста граммов колы всегда должно быть двести граммов виски.

Депутатский запрос.

Удачно Вова Баранкин приженился. Перспективную выбрал себе невесту, хоть и с ребенком. Папа у Тамары был не последний человек в городе — директор мясокомбината. Голод молодой семье не грозил. Имелись и связи, поэтому пристроили зятя сразу после академии в отдел городского хозяйства одного из исполкомов. Для старта отличная должность — годик оботрется, и можно смело карабкаться вверх.

Молодого специалиста встретили приветливо. Презентовали ему товарищи новый дырокол и пачку бумаги, ведь с ней в таких конторах вечный дефицит. В общем, приняли Володю коллеги от души, не забыв намекнуть и о доброй традиции «вливания в коллектив».

На следующий рабочий день получил Баранкин свой первый документ для исполнения. Из города на них расписали депутатский запрос «слуги народа». Его коллеге Саумову выдали сразу десять обращений, в том числе и от Любецкой Лилии. А это была личность легендарная. Женщину «футболили» уже семь лет, но она не сдавалась. Писала во все инстанции. Было

подсчитано, что в среднем она выдает по сто двенадцать жалоб в год. Милая женщина была недовольна тем, что напротив ее частного коттеджа построили 25-этажный дом. Требуется дама немного: чтобы власти посадили декоративные кусты. Нет, не возле многоэтажки, а прямо на месте высотки. Элементарно — снести «свечку», и всего-то делов. Анализ корреспонденции показывал, что наиболее часто писала Любецкая в госорганы весной и осенью. Но это и понятно. В медицине для это есть даже специальный термин — «сезонное обострение».

У Вовы же обращение было совсем другого порядка. Депутат нижней палаты парламента просил решить вопрос обустройства заездного «кармана» на автобусной остановке. Сейчас общественный транспорт останавливался прямо на полосе движения, вынуждая всех едущих сзади водителей стоять и покорно ждать, пока закончится посадка-высадка пассажиров. Утром «пробки» в городе и так стабильно доползали до девяти баллов, а тут еще и затор на ровном месте. Водители нервничают, «бибикают» от злости и начинают выезжать на встречную полосу. Депутат, понятное дело, эту дорогу в глаза не видел, но избиратели ему пишут и жалуются. Он ведь обещал перед выборами им помогать, вот пусть теперь отдает долги.

Баранкин был человеком эрудированным и начитанным, поэтому расписанное на него обращение вызвало у мужчины искреннее недоумение.

Он повернулся к Саумову:

— Слушай, ничего не понимаю. Причем тут депутат парламента и остановка автобуса? Это то же самое, как если бы у тебя воспалился аппендицит, а ты вместо больницы побежал бы в музыкальную школу. Депутаты — это же законодательная власть, они законы должны принимать. Это их миссия! А дороги и «карманы» — вопрос чисто исполнительной ветви власти. Маразм.

— Это ты, Володя, понимаешь. И депутат это понимает, — Саумов снисходительно хмыкнул, даже не оторвавшись от заполнения очередной карточки на Лилию Любецкую. — А глубинный народ от этого очень далек, обыватель не любит сложных схем. Для основной массы населения все одно: что чиновник, что депутат, что директор. Ей нужен быстрый результат или хотя бы красивое обещание. А еще лучше — чтобы на халяву что-нибудь дали.

Заварив кружку крепкого кофе, коллега продолжил разъяснение.

- Но на народ, Володя, не обижайся: все мы из него вышли. Вон, посмотри на резолюции на документе. В горисполкоме его на нас первый заместитель расписал. Человек три года в кресле сидит, а в госструктуре так и не разобрался. Мы к этой проблеме юридически никакого отношения не имеем, а он ставит нас первыми исполнителями. И попробуй этому дураку возрази!

— Да нет. Все же верно, — Вова покачал головой. — Эта улица находится в нашем районе. Мы администрация, мы тут местная власть — поэтому нам и решать. Проблема там действительно есть, каждое утро «пробка» мертвая стоит, я сам там езжу и «гаишников» по матушке тоже вспоминаю.

— Нет, неправильно, — Саумов повернулся к новичку. — Дорога действительно наша, нашего ДРСУ. Но у него полномочия и финансирование есть только на ремонт и текущее содержание. А в данной ситуации нужна полноценная реконструкция. А это, Володя, проектные работы, согласования во всех ведомствах и финансирование за счет городской инвестиционной программы, которая составляется в горисполкоме на несколько лет вперед. Вот так-то, брат. Но скоро ты это всё и сам поймешь, никакой тут высшей математики нет.

Саумов перевернул очередную страницу в деле Любецкой и добавил:

— Но ребус тебе поручили не легче, чем мне с моей Лилией. Изучай эзопов язык. Тебе нужно будет подготовить ответ депутату за подписью того самого первого заместителя. Отказать надо так, чтобы никто ничего не понял. Из разряда: «будет рассмотрен вопрос включения

в планы по реконструкции». А то, что ближайшая реконструкция этой улицы запланирована лет эдак через тридцать, депутат и сам между строк прочитает. Он эту школу давно окончил экстерном.

Баранкин молча слушал и вникал. Внутри росло глубокое уважение к родственникам. Молодец все-таки его тесть. Мудрый, опытный управленец точно знал, куда пристроить любимого зятя на первое место работы. В Академии управления про такие тонкости Вове никто и никогда не рассказывал. Там на кафедрах одни «космонавты» студентов учили, рассказывая про эффективный менеджмент и цифровизацию урбанистики. А жизнь — она вот она, в новеньком дыроколе, дефицитной пачке бумаги и искусстве виртуозного отказа. Здесь вам не «космос», здесь люди по земле ходят.

Вова подвинул к себе клавиатуру. Какой запрос, такой будет им и ответ. «Барабанить по клавишам» он умеет, сделает все как надо.

Через двадцать минут Саумов заглянул через плечо молодого коллеги, прочитал строчку и одобрительно похлопал Вову по плечу:

— Ну вот, а ты переживал. Начало отличное. Добавь туда еще про «необходимость проведения комплексных геодезических изысканий» и отправляй на подпись. К следующей пятилетке как раз согласуем.

Вова с удовольствием понял, что оказался на правильном пути по изучению сложного механизма государственного управления. Посмотрев еще раз на свое обращение, Баранкин уже интуитивно почувствовал, что шансов на обустройство злополучного «кармана» столько же, сколько на то, что на месте двадцатипятиэтажной «свечки» появится сквер.

Но надежда умирает последней, в свой ежедневник Вова записал: «ул. Дружная - карман для автобуса». Освоится он немного в исполкоме и попробует подойти к этому вопросу с «другого бока». Или не попробует. Время покажет...

Пока же Вова уверенно ударил по клавише «Enter» и продолжил созидать свой первый бюрократический шедевр...

Датчик протока.

Леонид имел право считать себя человеком неглупым и практичным. Районный центр, где он обосновался в частном доме, не был совсем захудалым. Недавно их городишко перешагнуло от средневековья в эпоху цивилизации. Инженерные сети дошли и до его улицы Садовой, психанули местные власти так, что даже оптоволокно провели к каждому дому. Но головокращения от «успехов» наш герой не испытывал, Леонид твердо знал: прогресс — штука капризная.

Каждый год в мае в его жизни наступал священный ритуал — обслуживание газового котла. Современный настенный агрегат с кучей датчиков и мигающих лампочек Леонид недолюбливал за излишнюю интеллигентность. С привычной кувалдой в руках к нему подходить было бесполезно. Но эту импортную технику он уважал за комфорт. Печи в их краях давно признали пережитком древности и безжалостно разбирали на кирпичи, но у Лёни в этом вопросе логика была иная. Его личный «бронепоезд» неизменно стоял на запасном пути.

Рядом с импортным газовым чудом в котельной гордо высился резервный твердотопливный котел. Настоящий, суровый, сваренный из толстостенной стали. За последние двадцать пять лет его ни разу не растапливали, хотя лес был через две улицы. Но Леонид только хмыкал, поглядывая на запывившуюся топку.

Пока что все газовые войны на геополитической арене его отечеством были выиграны. Поэтому голубое топливо шло исправно и по бюджетным ценам. Давление в трубе радовало стабильностью, а автоматика тихо мурлыкала, обеспечивая тепло без лишней пыли и копоти. Но резервный котел Леонид не убирал, историю мужчины уважал: всегда выигрывать не полу-

чится. Глядя в окно на колышущиеся зеленые верхушки деревьев, он испытывал глубокое, почти осязаемое чувство безопасности:

— Даже третью мировую переживем, точно не замерзнем.

Конечно, скептики и соседи вроде полудурка Мишки только крутили пальцем у виска:

— Палыч, двадцать пять лет котел без дела стоит, только место в пристройке занимает! Выброси ты этот хлам, расширь котельную, как раз самогонный аппарат поместится.

На такие выпады Леонид лишь снисходительно улыбался. Эти люди не понимали главного: стратегический резерв ценен сам по себе, даже если он никогда не выстрелит. Но порой, выходя на крыльцо и глядя в бескрайнее ночное небо над райцентром, Лёня ловил себя на странной, щемящей тоске. Куда мы идем?

Бек двадцать первый на дворе, технологии шагнули так, что фантастам прошлого и не снилось. Раньше ведь из каждого утюга в стране звенело: «И на Марсе будут яблони цвести!». Но приплыли...

В назначенный день у ворот заурчал старенький, но вычищенный до блеска фургончик. Из него неторопливо выбрался Николай — человек в райцентре легендарный и, без преувеличения, штучный.

Мужчине было слегка за шестьдесят, на нем красовалась фирменная спецодежда и часы «Командирские». В прежней жизни Николай крепко поддавал, но в какой-то момент железно завязал с этой пагубной привычкой. Всю нерастрченную энергию он пустил в профессию. Пока контора Горгаза лениво отправляла по адресам своих слесарей «для галочки», Николай за свой счет, по личной инициативе, мотался в Германию на заводы-изготовители. Он возвращался оттуда с ламинированными сертификатами и фанатичным блеском в глазах.

Профилактику котла он проводил строго по техническому регламенту. Из фургона извлекался целый мини-завод: профессиональные компрессоры, шланги, портативная система химической прокачки и калиброванные манометры. Другие за те же деньги обычно просто снимали кожух, сиротливо сдували пыль и ставили печать — весь процесс занимал минут пятнадцать. Николай же только бланки заказов и отчетность для клиента заполнял не менее полчаса. Обслуживание же занимало минимум половину дня.

Коля не просто понимал отопительную технику — он жил с ней как один организм. Год назад он буквально заставил Леонида переделать всю обвязку в котельной и поменять трубы на больший диаметр.

— Пойми ты, Лёня! — горячился тогда Николай. — Маленькое сечение просто душит котел! Ты создаешь избыточное давление в системе. Это же как закупорка сосудов у человека! Сердце-мотор качает со всей дури, а в артериях узко — бляшки! В итоге инфаркт у техники.

Мероприятие это было излишним для обывательского глаза и недешевым. Но Леонид послушал специалиста и сделал всё точно по его указке, хотя и сомневался в этом капиталовложении. Себя он тогда утешал словами из песни: «Жираф большой — ему видней».

Разбирая гидравлический узел, Николай без умолку рассказывал о своей единственной внучке. Он в ней души не чаял и теперь с нетерпением ждал, когда сын с невесткой приедут на лето в гости.

— Я для неё, Лёня, целый год городок во дворе строил, — с гордостью говорил мастер, аккуратно очищая медную трубку специальной щеткой. — Своими руками! Два кубометра леса, металлический профиль сто на сто. Весь комплекс поднял: горка, качели, летний домик с настоящей верандой. Даже водосточную систему смонтировал и мебель прикупил. Это тебе не шалаш из детства. Приедет «кровиночка» — ахнет!

Закончив промывку, Николай удовлетворенно осмотрел внутренности лениного аппарата:

— Твой аппарат, который уже двадцать пять лет пашет — это же одна из лучших моделей в истории. Глянь сюда: внутри сплошная медь и латунь, никакого тебе дешевого пластика. Несмотря на свой возраст, он у тебя еще побеждает. Новые современные котлы о таких сроках эксплуатации даже мечтать не могут.

Николай заговорщически понизил голос:

— Кстати, про эти котлы. Был я тут на вызове в одном доме. У хозяина в дальнем углу гаража точно такой же немец лежит. В заводской упаковке! Он в конце девяностых сдуру сразу два одинаковых купил про запас, да и забыл про него. Я ему сейчас другую модель установил, а этот старый приметил. Давай я попробую сторговать его для тебя? Думаю, за треть цены отдаст.

У Леонида аж дух перехватило. Получить в свое распоряжение точно такого же неудобного «немца» про запас — это было пределом мечтаний.

— Класс, царский подарок будет! Сторгуй, Коля! — горячо попросил Леонид.

Уже на прощание Николай облокотился на забор и снова превратился в строгого наставника:

— И помни главное, Леонид: не насилуйте вы котел! Воду на контуре ГВС выставляй на минимальный огонь. Вам этой температуры с лихвой хватит. А то ведь как наши люди привыкли? Выкрутят регулятор на максимум, котел шпарит, теплообменник докрасна нагревается, вода — кипяток! А потом они в кране начинают горячую воду с холодной смешивать. Зачем?!

Николай сердито махнул рукой:

— И воду горячую никогда не выключайте, когда зубы чистите, или руки намыливаете! За три минуты по десять раз кран дергают: включил-выключил. Идиоты! Думают, они три литра воды экономят, а сами в это время всю электронику гребят. Ведь каждый раз автоматика дает команду на розжиг, срабатывает реле, теплообменник испытывает резкий температурный шок, а датчик протока изнашивается в разы быстрее. Ну, что я тебе рассказываю... В общем, следи за женой, Лёня. Эти барышни в технических вопросах безмозглые. Глаз да глаз нужен!

Через два месяца Николай позвонил и обрадовал Леонида. Голос в трубке был торжествующим:

— Всё, Лёня, котел твой! Уговорил я клиента. Вопрос решен. Звони ему, скидывай аванс, а агрегат я сам у него из гаража заберу — как раз буду в том районе через несколько дней.

Редкая удача. Когда в назначенный день фургончик Николая завернул к воротам, Лёня лично помог выгрузить тяжелую коробку. Четверть века она простояла в сухом гараже, сохранив внутри оригинального, монолитного «немца». Капсула времени.

Леонид так искренне благодарил мастера, что готов был обнять его. Расплатившись, он радушно улыбнулся и спросил:

— Ну, а как дела домашние, Коля? Внучка-то приехала? Как ей твой городок, качели? Зашел подарок?

Николай, только что гордо улыбавшийся, мгновенно поник. Лицо его стало хмурым, взгляд погас. Он тяжело привалился к борту фургона и махнул рукой:

— Приехали эти... со столицы, — глухо заговорил Николай, и в его голосе закипела глубокая обида. — И началось, Лёня. С первого же дня. Воду в ванной включают-выключат, снова включают, снова выключат... Издевательство над техникой! Я им раз сказал, два сказал нормально, по-человечески. А они мне в ответ: «Папа, Оля еще ребенок, она маленькая, не понимает». Представляешь? Да в цирке медведей на велосипеде кататься учат! Главное захотеть. А тут — родная внучка, неужели нельзя объяснить, чтобы просто кран не закрывала и котел не убивала? Они мне: «Она так в квартире привыкла». А я ночью спать не мог, Лёня. Лежу в темноте и слышу, как в ванной этот треск идет, как они технику насилюют. Сердце кровью обливалось. Утром встали — и всё по новой. Оля к крану подходит и даже не думает его в покое оставлять. Я к сыну, к Андрею: «Призови жену и дочь к порядку! Вы что творите с системой?» А они на меня волком смотрят. Невестка губы надула, а сын говорит: «Отец, ты невыносим стал со своими котлами. Мы сейчас соберем вещи и уедем, если это не прекратится». Представляешь, Лёня? Сын! Мой родной сын мне такое заявляет. Как будто это и не я его делал...

Мастер замолчал, а Лёня не нашел подходящих слов для утешения. Сглотнув подступивший к горлу комок, Николай, закончил свой рассказ.

- И уехали...

Последняя цивилизация

Глава 1. Пропать в Световой год

Говорят, близких родственников не выбирают — они достаются нам в комплекте с фамилией и общими чертами лица. Но иногда кажется, что судьба просто забавляется, смешивая в одной семье абсолютно несовместимые ингредиенты.

Лена вела машину по отремонтированной пригородной трассе, крепко сжав руль. Из столицы выехали рано, но солнце уже припекало асфальт. Рядом, на пассажирском сиденье, сидела её старшая сестра Оля. Между ними было четыре года разницы, один общий отец (рано овдовел), и две разные матери. И пропасть шириной в световой год.

Сводным сестрам давно перевалило за пятьдесят. В молодости, когда деревья были выше, а загсы — гостеприимнее, они общались часто. Потом жизнь развела. У обеих выросли успешные дочери, но на этом сходство заканчивалось. Оля в своё время окончила институт, Лена только техникум. Но диплом, как любил говаривать их давно ушедший в иной мир батюшка, ума не добавляет: он лишь фиксирует факт присутствия на лекциях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.